

Анатолий НЕПОКУПНЫЙ

Институт языковедения, Киев

ПРУС. *gaylux* E 661 'ГОРНОСТАЙ' И ДР.-РУС. *бѣлька*: ОБЩАЯ МОДЕЛЬ ДВУХ НОВШЕСТВ

О. С 1974 г. выходят в свет „Słownik prasłowiański“ в Кракове и «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» в Москве. И, соизмеряя первые шаги на пути осуществления обоих проектов, руководитель российского фундаментального начинания О. Н. Трубачев писал:

«Некоторая априорность в подходе польских коллег к материалу выразилась, например, в том, что словарю у них предпослан очерк праславянского словообразования. Но для того, чтобы создать качественно новый очерк праславянского словообразования, надо сначала сделать полный праславянский словарь, а затем на его базе – обратный словарь праславянского языка, который покажет состав всех словообразовательных моделей» (Трубачев 1978, 11).

Однако в данном случае никакого противоречия нет: в своих позициях были правы как польская, так и российская стороны, ибо определенное обобщение по праславянской дериватологии необходимо и до, и после: сначала как инструмент еще в ходе разработки самого словаря, а в перспективе – и как подведение итогов уже после его завершения.

Это тем более справедливо, поскольку именно словообразование нередко оказывается на переднем плане при изучении древних межъязыковых связей, к каким, по сути, относится и проблематика праславянского словаря. Ср. выводы автора монографии «Членение индоевропейской языковой области» о формах взаимоотношений кельтских и германских, а также италийских, кельтских и германских языков:

1) «Особые соответствия выявляются только в словообразовании, в значениях слов и в составе лексики» (Порциг 1964, 177);

2) «... есть некоторые примечательные новшества в словообразовании, в значениях слов и в словарном составе» (Там же, 185).

Все изложенное выше имеет самое непосредственное отношение к предлагаемому разысканию, потому что:

в о - п е р в ы х, одновременно с двумя праславянскими выходили из печати и два прусских словаря – В. Н. Топорова в Москве (5 томов; А–L; 1975–1990) и В. Мажюлиса в Вильнюсе (4 тома; А–Z; 1988–1997);

во-вторых, для обоих западнобалтийских этимологиконов словообразовательный план исследования на поверку также оказался чрезвычайно актуальным и, наконец,

в-третьих, здесь в очередной раз настоятельно напомнила о себе проблема места балто-славянских языковых отношений в общем индоевропейском контексте.

1.0. Первый публикатор Эльбингского словаря Ф. Нессельман стал и первым истолкователем содержащегося в нем прусского названия горностаея *gaylux* E 661 как имени существительного уменьшительного со значением 'das Weisschen' (Nesselmann 1873, 41). В самом начале XX в. к этому мнению присоединился и Р. Траутман (Trautmann 1910, 133).

И уже в последней четверти закончившегося столетия версию Нессельмана, воздерживаясь от собственного комментария, изложил В. Н. Топоров (1979, 133: «По Нессельману, речь идет о деминутиве») и не без некоторого сомнения разделил В. Мажюлис: «прус. **gailukas* было по-видимому (*matyt*) деминутивом» (Mažiulis I 315).

Однако в промежутке между этими двумя периодами – 1873–1910 и 1979–1988 гг. – увидело свет несколько известных исследований, в которых прямо или косвенно, а уже был дан ответ на вопрос, а что же представляет собой прус. *gaylux*? Сказанное в первую очередь относится к трудам Я. Эндзелина.

1.1. Мы уже не раз имели возможность убедиться в том, что его «*Senprūšu valoda*» является лишь определенным этапом в пруссоведческих исследованиях латышского ученого, а потому только что названное издание 1943 г. ни в коей мере нельзя считать итоговым в области соответствующих разысканий классика балтийского языкознания. А вместе с тем складывается впечатление, что именно этот труд, увидевший свет в серии университетских пособий, нередко воспринимается современными исследователями едва ли не как единственный ориентир при определении позиции Эндзелина по тому или иному вопросу прусского языка.

Например, в упомянутой публикации ее автор явно еще не определился с характеристикой формы *gaylux*, почему и сравнивает ее, с одной стороны, с лит. *raudikas* (Endzelīns 1943, 49), а с другой – с прус. *wosux* E 675 (*Ibidem*, 174).

Однако прошло пять лет, и Эндзелин выступил с новой книгой «*Baltu valodu skaņas un formas*», в которой, в частности, все имена существительные с суффиксом *-uk-* в балтийских языках он уже разделил на три группы:

- а) «названия деятелей» (отчасти также «орудий труда»),
- б) «деминутивы», к которым, возможно, сначала относилось и прус. *wosux*, и

в) «названия лиц, животных и растений», перечень которых и открывало именно прус. *gaylux* [Endzelīns 1948, 98 = Endzelīns 1982, 489].

Так едва ли не впервые после Ф. Нессельмана (ср. 1.2.1) объект нашего внимания был выведен из состава деминутивов и поставлен в особый ряд названий живой природы – людей, животных и растений. И хотя в 1957 г. «Звуки и формы балтийских языков» вышли из печати уже и в переводе на литовский язык, тем не менее уточненный взгляд Эндзелина на структуру западнобалтийского названия горностая остался не востребованным еще и в обоих этимологических словарях прусского языка.

1.2.0. Само возникновение прус. *gaylux* объясняется тем, что, во-первых, как известно, мех горностая белеет на зиму (кроме остающегося черным кончика хвоста), а, во-вторых, противопоставленные западнобалтийскому синониму литовское и латышское названия зверька *Mustela erminea* L. вместе с их германскими когнатами сохраняют этимологическую связь с лит. *šar̃mas* ‘иней; изморозь’ (Fraenkel 1962, 965), так что прусское букв. ‘белок’ находится только в лексической оппозиции к восточнобалтийскому обозначению инея, и последнее лишний раз подтверждает белизну обозначаемого. «Ср. бурый цвет горностая летом и белый зимой» (Топоров 1979, 133. – Разрядка в тексте. – А. Н.) и «тот же цветовой принцип лежит и в основе восточнобалтийских названий горностая» (Там же).

Что же касается не мотивационной основы прус. *gaylux*, а его формы, то последняя является уже производной, вторичной по своему характеру, и потому желательно найти ей соответствующую параллель в географически ближайшем к прусскому ареалу литовском языке.

1.2.1. Еще Траутман, говоря о прусском антропониме *Joducke*, сопоставил название горностая *gaylux* с лит. *juodùkas* как примером субстантивации прилагательного *jùodas* (Trautmann 1925, 173) ‘черный’. Эту же параллель использовал и В. Мажюлис (Mažiulis I 315).

Вместе с тем в современном литовском языке известно и семантически более точное соответствие прусской форме. Речь идет об одном производном образовании от адъектива *báltas* ‘белый’.

К примеру, Я. Отрембский приводит форму *baltùkas* ‘конь белой масти’ (Otrębski II 282). Как наименование других домашних животных, а также культурных растений эту лексему фиксирует и Академический словарь литовского языка: *Skersim baltùka. Baltùkė* [курица] *šiandie be kiaušinio* (Рудамина, р-н Лаздияй; LKŽ I² 621) и др.

При этом показательно, что как оба только что приведенные, так и другие локализованные свидетельства подобного словоупотребления относятся к

ареалу, который непосредственно примыкает к бывшим прусским территориям (и даже, как известно, сохраняет целый ряд западнобалтийских языковых черт). Ср. места записи иллюстративных материалов цитируемой статьи Академического словаря – Гейстарай и Кятурвалакяй, р-н Вилкавишкис, а также Скирснямуне, р-н Юрбаркас (*Ibidem*), с одной стороны, и окрестности г. Друскининкай, где в дальнейшем была отмечена форма *baltùkas* ‘вид гриба’ (*Naktinienė ir kt.* 1988, 28), – с другой.

Вот почему при всей четкости западно-восточнобалтийского противопоставления прилагательных со значением ‘белый’ (прус. *gaylis* – лит. *báltas*, лтш. *bal̃ts*) параллельный характер дериватов прус. *gaylux* – лит. *baltùkas* представляется нам весьма важным свидетельством существования прусско-литовских семантико-словообразовательных связей, находящих свое выражение в юго-западной ориентации некоторых изоглосс литовского языка.

1.2.2. В соответствии с приведенным выше определением Эндзелина, что деадъективные производные с суффиксом *-uk-* в балтийских языках выступают как «названия лиц, животных и растений», до сих пор нам недостает только первых. И этот пробел, как и следовало ожидать, восполняют антропонимические источники.

Как оказалось, искомая нами форма *Baltukas* (в сокращенной форме *Baltuk*) была зарегистрирована в книге бракосочетаний костела Св. Йонасов в Вильнюсе между 1602 и 1615 гг. под № 1413 (последний – № 2822), а в дальнейшем в книгах крещений того же католического храма встретились уже производные от нее «некрестные личные имена» – *Boltukiewicz* под 1676 г. (акт № 356) и *Boltukowska* (№ 708) под 1675 г. (*Zinkevičius* 1977, 122).

И в этой связи для нашего разыскания является очень важным то, в каком же аспекте рассматривает автор исследования найденный им антропоним *Baltuk < *Baltukas*.

Так, завершая обзор проанализированных производных образований в составе вильнюсской антропонимии XVII в., З. Зинкявичюс приходит к следующему заключению:

«Апеллятивы с исследуемыми суффиксами имеют не только деминутивное значение, но и значение носителя глагольных или именных особенностей (разрядка в тексте. – А. Н.), например, *baltēlis* ‘белое животное или птица’, *burbūlis* ‘кто бурчит’, *jaunùkas* ‘молодой человек’ др. Возможно, что такое же значение сначала должна была иметь и хотя бы часть антропонимов, например... *Baltukas* ‘кто белый’ ... и др.» (*Ibidem*, 239–240).

Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что отказ от трактовки прус. *gaylux* как деминутивного образования, который продемонстрировал

Я. Эндзелин ещё в 1948 г., впоследствии нашел поддержку в интерпретации соответствующей литовской формы *baltùkas* и производного от нее антропонима *Baltuk* < **Baltukas* в трудах Я. Отрембского (1965) и З. Зинкявичюса (1977). При этом «некрестное личное имя» *Baltuk* (Вильнюс, примерно 1608–1609 гг.) оказывается по времени ближайшим литовским соответствием прусскому названию горносталя в Эльбингском словаре.

1.2.3. Предложенная попытка бросить беглый взгляд на историю словообразовательного истолкования прус. *gaylux* оказалась бы существенно неполной, если бы мы не отметили того, что в самое последнее время – уже вне хронологических рамок выхода в свет обоих этимологических словарей прусского языка – было опубликовано исследование С. Амбразаса «Развитие словообразования имен существительных. II. Деноминативы в литовском языке» (Вильнюс, 2000), в котором речь идет, в частности, о «названиях носителей особенностей», в том числе и о производных с уменьшительным суффиксом *-ko-. Автор монографии приходит к выводу, что расширенный вариант форманта *-(i)ukas(ė)*, хотя и значительно реже, чем в деминутивной функции, выступает также и при образовании от имен прилагательных названий носителей определенных особенностей. Этот тезис иллюстрируется между прочим примеров также уже упоминавшейся нами формой из Академического словаря *baltùkas* ‘белое животное или вещь’ (Ambrazas 2000, 127–128), а в качестве балтийского фона приводится и прус. *gaylux* (Ibidem, 129).

Поскольку мы сосредоточились только на одном производном образовании от лит. *báltas* ‘белый’ *baltùkas* (как ближайшем семантическом соответствии прусской форме *gaylux*), то в собрании примеров, приводимых автором, наиболее актуальными для нашей темы представляются дериваты от других адъективных цветообозначений: *júodas* ‘черный’, *mėlynas* ‘синий’, *raudónas* ‘красный’, *rùdas* ‘коричневый’ и *žālias* ‘зеленый’ (Ibidem, 128). Именно в этот ряд семантико-словообразовательных пар входит и лит. *báltas* – *baltùkas*.

В целом же следует признать, что исследование С. Амбразаса помогает окончательно определиться и, как кажется, даже поставить точку в истории деривационной интерпретации прусского названия горносталя¹.

1.2.1–3. Выше мы уже коснулись вопроса о том, как соотносится прус. *gaylux* с литовским и латышскими названиями горносталя.

¹ Впрочем, на Международной конференции, посвященной К. Буге (Вильнюс, ноябрь 2001 г.), в дискуссии по нашему докладу «Три этапа в изучении Эльбингского словаря и этимологизация двух прусских зоонимов» В. Мажюлис и В. Урбутис отстаивали версию, так сказать, «первого этапа» – о деминутивном характере прус. *gaylux* (см. L. Bilkis, V. Kabašinskaitė, Tarptautinė Kazimiero Būgos konferencija, – Baltistica, XXXVI (1), 2002, 154).

Однако нас в данном случае интересует не столько семантическая общность внутрибалтийского противопоставления восточной и западной форм наименования этого пушного зверька, сколько лексические формы ее выражения. И если лит. *šarmiõ* и пр. обнаруживает бесспорные связи не только с германской группой, но даже и с венетским языком (см. Гамкрелидзе, Иванов 1984, 523), то прус. *gaylux* как обозначение горносталя, напротив, оказывается изолированным, т. е. не имеет глубокой индоевропейской ретроспективы и потому должно быть признано западнобалтийским новообразованием.

2.0. В отличие от восточнобалтийских названий горносталя с их древнейшими соответствиями (надписи на венетском языке датируются последними веками до нашей эры) противопоставленное им прусское наименование того же самого пушного зверька *gaylux* до самого последнего времени рассматривалось вне его ближайшего индоевропейского контекста. А вместе с тем в последнем существует весьма близкое – как по форме, так и по содержанию – название другого объекта пушного промысла. Это рефлекс праслав. **běľka*, в котором наряду с исходной формой реконструируют также и исходное значение – ‘что-то белое, беловатое, особенно о животных с белой, беловатой окраской’ (SP I 239).

2.0.1. Оставляя в стороне обсуждение довольно многочисленных мнений о необычности именно такого цветового обозначения животного *Sciurus vulgaris* L., заметим от себя только одно.

По материалам обоих праславянских словарей рефлексам формы **běľka* в различных славянских языках называют ‘самку животного белой масти или с белой меткой (овцу, кобылу, суку, кошку, корову, козу, курицу, гусыню и т.д.)’ [ЭССЯ II 81 – здесь и ниже подчеркнуто нами. – А. Н.], а также ‘птицу с белым оперением на хвосте’ – *Delichon urbica* (SP I 239), которую в других случаях обозначают продолжением праслав. **běloritьka* (ср. ЭССЯ II 73). Иными словами, номинация определяется цветом покрова только части, а не всего тела. Но ведь и у белки, как подчеркивается в ее описаниях, брюшная сторона всегда является белой!

2.1. Прус. *gaylux* с праслав. **běľka* объединяет не только общее значение исходного прилагательного ‘белый’ [соответственно *gaylis* E 459 и **běľь(jь)*], но фактически и один и тот же субстантивирующий суффикс *-uk(a)s/-ькъ*, точнее, «женское соответствие» последнего *-ьka*, причем оба славянских варианта (подчеркнуто добавим – в отличие от прусского) «хорошо засвидетельствованы в структурной функции субстантивации прилагательных» (Sławski 1974, 93–94).

Итак, для прус. *gaylux* ‘горносталя’ в качестве определенной параллели можно предложить праслав. **běľka*, которое в древнерусском и позднейших

восточнославянских языках имеет особенно важное в данном случае значение 'белка (*Sciurus vulgaris* L.)'.

2.2. Если обращаться к сравнению, с одной стороны, прусского названия горноста́я, а с другой – славянского наименования белки, то прежде всего надлежит выяснить, нет ли каких-либо противопоказаний против того, чтобы считать такое сопоставление допустимым?

В диапазоне номинационной специализации продолжений праслав. **bělьka* особое место занимают «соседи» самой белки. Именно так следует называть тех пушных зверей, которые вместе с только что упомянутой представительницей отряда грызунов нередко выступают под одним и тем же самым именем.

Так, например, древнейшее славянское название белки др.-рус. *въверица* имеет значение 'пушной зверек (белка, ласка, горноста́й)' (СлРЯ XI–XVII вв. 2 42), а рус. *вѣверица* – 1. 'белка', 2. 'горноста́й' (Ф а с м е р I 282).

И здесь уже никак нельзя обойтись без этнолингвистических исследований, в которых, в частности, находим, что, в о - п е р в ы х, «символика ряда пушных зверей, главным образом семейства куньих (ласка, куница, горноста́й, соболь, выдра, росомаха, барсук, хорь), а также бобра, белки, лисы и некоторых других обнаруживает инвариантный набор характеристик, свойственный в той или иной мере каждому животному этого рода» (Г у р а 1997, 199), и что в связи с этим, в о - в т о р ы х, «нередко наблюдается взаимозаменимость образов пушных животных в сходных фольклорных контекстах» (Т а м ж е, 200).

Следовательно, с учетом того, о чем выше шла речь, следует прийти к выводу, что образная мотивация по меньшей мере более поздних по времени своего образования названий пушных зверей может оказаться весьма сходной или даже одинаковой. И если в пределах одного и того же языка в соответствии с самим состоянием народной номинации пушных зверей, к примеру, белка и горноста́й могут быть приравнены друг к другу (ср. одно и то же название для них в рус. *вѣверица*), то это обстоятельство является достаточно убедительным аргументом для продолжения соответствующих поисков „точек соприкосновения» между отдельными группами индоевропейских языков уже и на уровне терминотворчества.

Стало быть, анализ предложенной прусско-славянской параллели с обозначениями, с одной стороны, горноста́я, а с другой – белки, является вполне оправданным.

2.3. Специальная карта, посвященная названиям белки (*Sciurus vulgaris* L.) в славянских языках, однозначно показывает, что их территория оказывается разделенной между двумя основными обозначениями этого животного:

1) *běl-* на востоке (за небольшим исключением – только с *-ьk-a*) и

2) *věver* – на западе и юге Славии (соответственно с *-ьk-a* и *-ic-a*) [см. ОЛА СЛС 1, № 7].

Последняя форма имеет целый ряд соответствий прежде всего в балтийских языках (прус. *weware* Е 660, лит. *voverė*, лтш. *vāvere*), а также в германской, кельтской, италийской и иранской языковых группах (Frankel 1962, 1233), так что индоевропейский характер западно- и южнослав. *věverьka/věverica* является очевидным.

Что же касается другого наименования белки собственно *bělьka*, то его следует истолковывать как относительно новое образование.

И в самом деле, исследователи уже не раз указывали на инновационный характер др.-рус. *бѣлька*. Так, в свое время Ф. П. Филин отметил, что по сравнению с «Повестью временных лет» и, в частности, с ее «статьей под 859 г. несомненно Киевского происхождения», содержащей индоевропейскую форму обозначения *Sciurus vulgaris* L., «лишь позже на юго-западе слово *въверица* начинает вытесняться словом *бѣлка*» (Филин 1972, 560). И далее: «с XIV–XV вв. во всех восточнославянских языках получает широкое распространение слово *бѣлка*» (Там же, 561).

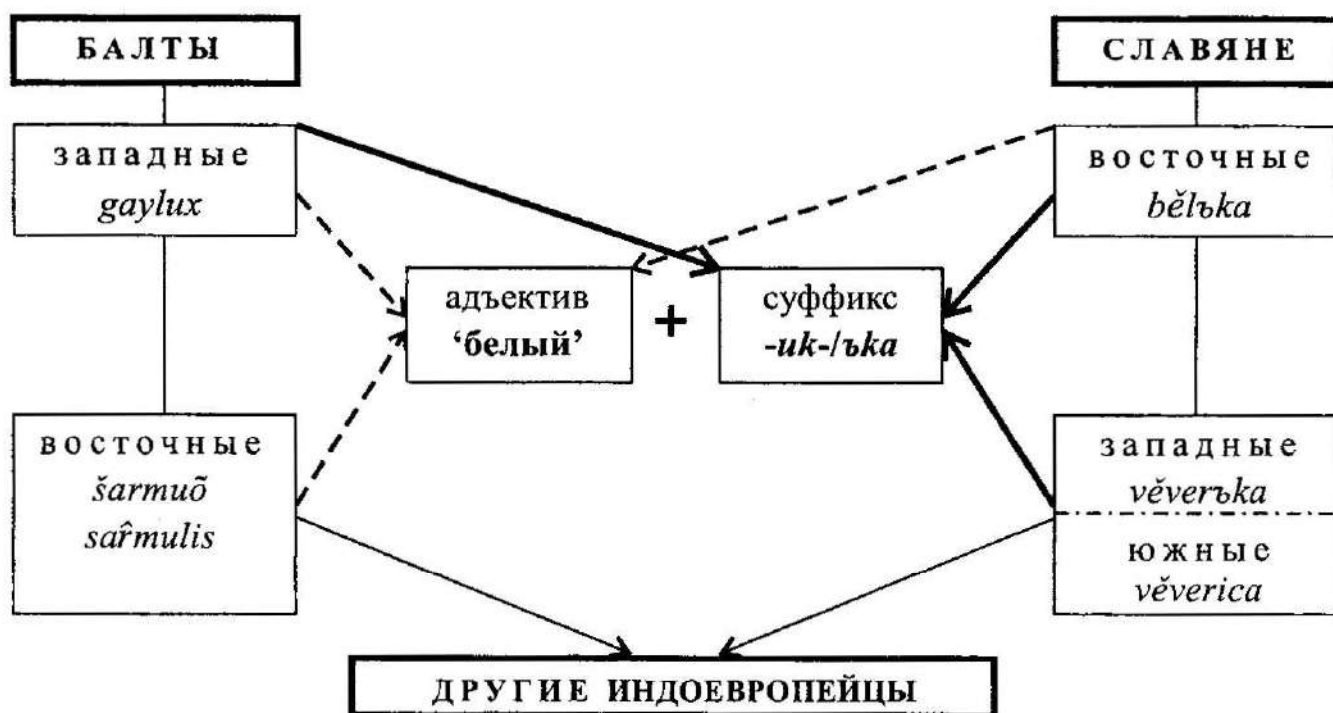
А два десятилетия спустя, ознакомившись с рабочими картами Общеславянского лингвистического атласа, Г. Поповска-Таборска пришла к выводу, что, «принимая во внимание критерии, применяемые в SP (*Słownik prasłowiański*. – А. Н.), инновационным наверняка следует признать восточнославянское *běl-ьk-a* (относительно западнославянских образований с корнем *věver-*)» (Prowska-Taborska 1993, 104).

Так через изучение письменных памятников, с одной стороны, и современной лингвогеографии – с другой, определяется позднейшее возникновение восточнославянской формы *běl-ьk-a*, причем она не только по структуре, но и по своей как относительной, так и абсолютной хронологии также оказывается весьма близкой к характеру и времени фиксации прус. *gaylux* Е 661 ‘горноста́й’. Ср. новейшее и наиболее полное собрание древнерусской лексики, где *бѣлька* 1. ‘шкурка белки’ и 2. ‘денежная единица’ фиксируется с 10–30 гг. XIV в., в частности, в новгородских берестяных грамотах (СлД-рЯ I 363). Вместе с тем и Эльбингский словарь, донесший до нас обсуждаемое западнобалтийское название другого пушного зверька, ориентировочно датируется 1400 г.

3.1. Авторы капитального труда по реконструкции праязыка и протокультуры индоевропейцев утверждают, что «поздний диалектный характер обозначений ‘белки’, ‘ласки’, ‘горноста́я’ не позволяет возводить эти семантемы к сколько-нибудь древней индоевропейской общности» (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 523).

Однако пафос индоевропеистики заключается не только в поисках древностей, но и в находках новшеств. И свидетельством позднейших новообразований, по всей вероятности, совместно пережитых как западными балтами, так и восточными славянами, как раз и является рассмотренная нами прусско-древнерусская изоглосса *gaylux* – *бѣлька*. Она представляет собой в обеих своих частях реализацию одной и той же семантико-словообразовательной модели, по которой, предварительно создав новые цветообозначения, уже на основе последних часть балтийских и часть славянских языков образовали новейшие названия двух пушных животных, чтобы заменить ими соответствующие единицы древней зоономенклатуры, еще сохранявшие свои индоевропейские связи.

3.2. Как общую структуру, так и направления развития избранного нами фрагмента балто-славянских языковых отношений можно обобщенно представить в следующем виде:

Связи балтийских названий горностая (*Mustela erminea* L.) и славянских – белки (*Sciurus vulgaris* L.): 1. лексические (→), 2. семантические (- →), 3. словообразовательные (→).

Если центр предложенной схемы занимает общая балто-славянская модель – прилагательное со значением 'белый' + субстантивирующий его суффикс *-uk-/-ьka*, то по обеим сторонам от нее – слева и справа выступают уже примеры ее воплощения – соответственно в западнобалтийском (прусском) и восточнославянском (древнерусском) названиях: в первом случае горностая, во втором – белки. При этом прослеживается переход от древних

форм, имеющих связи с другими индоевропейскими языками, до бесспорных новообразований, какими у западных балтов являются прус. *gaylux*, а у восточных славян – др.-рус. *bělъka* вместе с его дальнейшими историческими продолжениями.

3.3. Все, о чем шла речь выше, еще раз подтверждает глубокую правоту В. Порцига (1964, 208), когда он, говоря о «балто-славянском пространстве», обобщил:

«Обе языковые ветви на протяжении всего периода, о котором позволяют судить наши знания, всегда соседствовали друг с другом. Этим объясняется большинство свойственных только им новшеств, относящихся почти исключительно к словообразованию и к значениям слов».

Но ведь именно этим же самым «новшествами, относящимся почти исключительно к словообразованию и к значениям слов», и оказался посвященным наш сюжет о прус. *gaylux* и др.-рус. *бѣлъка*.

PRŪSŪ *gaylux* E 661 ‘ŠERMUONĒLIS’ IR SEN. RUSŪ *bělъka* ‘VOVERAITĒ’: BENDRAS DVIEJŲ NAUJADARŲ MODELIS

Santrauka

Kitaip negu teigiama naujausiuose prūsų kalbos žodynuose, prūsų *gaylux* E 661 Hermelin nėra de-minutyvas. Vakarų baltų ir rytų slavų kalbose 1) su priesaga *-uk-* (slavų *-ъk-*) 2) substantyvacijos būdu iš būdvardžio reikšme ‘baltas’ [prūsų *gaylis* E 459 ir sen. rusų *bělъ(jь)*] ir 3) pagal bendrą semantinį darybos modelį buvo sudaryti dviejų kailinių žvėrelių – šermuonėlio ir voveraitės nauji pavadinimai, kurie pakeitė jų senuosius indoeuropietiškus [vardijimus: plg. lie. *šarmuõ* ir s. r. *věverica*].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Гамкрелидзе Т. В., Вяч. Вс. Иванов, 1984, Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры, I – II, Тбилиси.

Гура А. В., 1997, Символика животных в славянской народной традиции, Москва.

ОЛА СЛС – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная, вып. 1. Животный мир, Москва, 1988.

Порциг В., 1964, Членение индоевропейской языковой области. Перевод с немецкого, Москва.

СлД-рЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), I, Москва, 1988.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 2, Москва, 1975.

Топоров В. Н., 1979, Прусский язык. Словарь, Е–Н, Москва.

Трубачев О. Н., 1978, Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь (опыт параллельного чтения), – Этимология 1976, Москва, 3–17.

Фасмер М., 1964, Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, I, Москва.

Филин Ф. П., 1972, Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк, Ленинград.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, вып. 2, Москва, 1975.

Ambrazas S., 2000, Daiktavardžių darybos raida, II. Lietuvių kalbos vardažodiniai vediniai, Vilnius.

Endzelīns J., 1943, Senprūšu valoda. Ievads, gramatika un leksika, Rīga, 1943.

Endzelīns J., 1948, Baltu valodu skaņas un formas, Rīga, 1948.

Endzelīns J., 1982, Darbu izlase, IV 2, Rīga.

Fraenkel E., 1962, Litauisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg etc.

LKŽ I² – Lietuvių kalbos žodynas, I, A–B, antras leid., Vilnius, 1968.

Mažiulis V., 1988, Prūsų kalbos etimologijos žodynas, I, A–H, Vilnius.

Naktinienė ir kt., 1988, G. Naktinienė, A. Paulauskienė, V. Vitkauskas, Druskininkų tarmės žodynas, Vilnius.

Nesselmann G. H. F., 1873, Thesaurus Linguae Prussicae, Berlin.

Otrębski J., 1965, Gramatyka języka litewskiego, II. Nauka o budowie wyrazów, Warszawa.

Popowska-Taborska H., 1993, Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka, Wrocław etc.

Sławski F., 1974, Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego, – Słownik prasłowiański, I, A–B, Wrocław etc., 43–141.

SP – Słownik prasłowiański, I, A–B, Wrocław etc., 1974.

Trautmann R., 1910, Die altpreussischen Sprachdenkmäler, Göttingen.

Trautmann R., 1925, Die altpreussischen Personennamen, Göttingen.

Zinkevičius Z., 1977, Lietuvių antroponimika: Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVII a. pradžioje, Vilnius.